

УДК 165.0
DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-1-100-105

Владимир Ильич Жилин,
доктор философских наук, доцент,
Омский институт (филиал) Российского экономического
университета им. Г. В. Плеханова,
(644009, г. Омск, ул. 10 лет Октября, 195),
e-mail: ZhilinVI@yandex.ru

Диалектический закон отрицания отрицания: «снятие» по Гегелю

«Снятие» является одним из основных понятий и в диалектике Гегеля, и во всей марксистской философии. Используя это диалектическое понятие, удаётся в рамках принятого трафарета мысли объяснить качественное изменение системы с одновременным сохранением прежнего её состава и/или формы. Благодаря «снятию» во вновь образованной системе удаётся не только сохранить всё лучшее из «старого», но и обеспечить прогресс. Для построения такой эффективной методологии Гегель использует омонимы, которые «делают» понятия противоречивыми. И уже далее о любом изменении можно сказать, что оно произошло путём снятия. Используя диалектику в качестве методологии, Гегель создаёт учение, которое не может быть опровергнуто. Это учение способно всё объяснить и всё предсказать. В этой связи и закон отрицания отрицания является «беспрюглым». Ведь дух в своём движении не может выйти за пределы себя, т. к. он един и тотален, а потому он может в движении лишь менять имеющиеся в наличии свои же формы и своё содержание, которые в духе тождественны друг другу, как едины и тождественны в «снятии» сохранение и отмена. Так, путём снятия, и происходит отрицание отрицания.

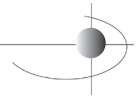
Ключевые слова: снятие, Гегель, закон отрицания отрицания, диалектика

Введение. «Снятие» является одним из основных понятий и в диалектике Гегеля, и уже далее во всей марксистской философии. Используя это диалектическое понятие, удаётся (но лишь в рамках принятого трафарета мысли) объяснить качественное изменение системы с одновременным сохранением прежнего её состава и/или формы. Для адептов исторического материализма сохранение «старого» во вновь образовавшейся системе представлялось и представляется особенно актуальным, но с оговоркой, согласно которой, сохранённое «старое» является «положительным». Вот что по этому поводу говорит В. И. Свидерский: «Суть же диалектического отрицания состоит в том, что новое состояние включает в себя в снятом, преобразованном виде положительное содержание предшествующего состояния» [10, с. 60]. Почему из «старого» во вновь образовавшейся системе должно сохраняться положительное, ничем не объясняется – таков уж закон природы, общества и мышления. В результате таких изменений, с сохранением «положительного старого», развитие и происходит «по спирали», что находит своё выражение в диалектическом законе отрицания отрицания. С марксистским оптимизмом на будущее мира сквозь призму закона отрицания отрицания смотрят и Л. Е. Даниленко с Ф. Н. Рекуновым.

Вскрывая роль снятия в прогрессивной поступи истории, они отмечают: «Противоречивая природа диалектического отрицания получила своё выражение в категории “снятие”, означающей разрушение, уничтожение изжившей себя формы, некоторых элементов содержания и сохранение, приумножение всего положительного, что было в старом содержании, переход на высшую стадию» [8, с. 36].

Результаты исследования. Снятие, как следует из приведённых выше пояснений, предполагает наряду с устранением наличной формы и сохранение, удержание «старого» в виде подчинённого «момента» во вновь образованной системе. И это «сохранение» во вновь образованной системе «старого» в виде некоего «момента» предлагается рассматривать не только как гарантию возвращения к предшествующей фазе развития на новом витке истории, но и, что особенно важно, как гарантию прогресса. Почему отрицание происходит «путём снятия», остаётся без пояснений, но снятие, начиная с Гегеля, есть «обогащённое» возвращение к уже пройденной стадии развития.

При первоначальном знакомстве с проблематикой закона отрицания отрицания и содержательным ядром этого закона понятием «снятие» бросается в глаза явная омонимия немецкого слова *aufheben*, которое и

использовал Г. В. Ф. Гегель для содержательного объединения идей развития и преемственности. В этой связи следует выяснить, как и почему в XIX веке оказалось возможным возвращение к давно отброшенной в научном познании идее использования в философии (претендующей на статус научной) омонимов, со всеми возможностями этих «лингвистических тянитолкаев».

Как известно, использование многозначных слов и построенных на их основе выражений было излюбленной забавой некоторых античных философов. Но Аристотель, а позже и Хрисипп из школы стоиков не только вскрыли и детально описали «юмор» софистов, но и предложили «противоядие» интеллектуальной эквилибристике в виде логики. Аристотель начинает «Категории» с определения омонимов: «Одноимёнными (ὀμώνυμα) называются те предметы, у которых только имя общее, а соответствующее этому имени понятие-определение <их сущности> (λόγος τῆς οὐσίας) – различное, как например, слово ζῶν («создание») означает и человека, и картину. У этих предметов одно только имя общее, а соответствующее имени понятие <сущности> <в том и другом случае> различное: если указывать, что значит для каждого из них быть ζῶν («созданием»), то в том и другом случае будет указано особое понятие» [1, с. 3]. В «Метафизике» [2], перед тем как сформулировать закон тождества, Аристотель раскрывает полисемию терминов: «начало», «причина», «элемент», «природа», «необходимое», «единое», «многое», «сущность», «количество», «качество», «противоположное» и др. И лишь после этого формулирует сам закон, согласно которому для участия в разговоре и понимания собеседниками друг друга «каждое из имён должно быть понято и говорить о чём-нибудь, при этом – не о нескольких вещах, но только об одной; если же у него несколько значений, то надо разъяснять, которое из них <в нашем случае> имеется в виду» [2, с. 187]. И всё. Смыслов у слов может быть несколько, но в тексте, без специальной оговорки, необходимо использовать лишь один. Подмена понятий недопустима. Если происходит вынужденное изменение смысла слова, тогда следует об этом сообщить собеседнику.

Казалось бы, здравый смысл восторжествовал, заложены основы интеллектуальной ответственности и с софистикой покончено. Но нет. На смену релятивизму софистов приходит релятивизм скептиков. По уверениям скептиков следует воздерживаться от утвер-

дительных высказываний в связи с тем, что нет и не может быть критерия истины, а также нет сколько-нибудь убедительных доказательств истинности того или иного доказательства. Секст Эмпирик в этой связи замечает: «Что не существует никакого выводного рассуждения, понять нетрудно. В самом деле, если они называют рассуждение выводным тогда, когда есть истинное умозаключение, начинающееся с соединения при помощи посылок и оканчивающееся выводом, то должно быть раньше того определено истинное умозаключение и уже после этого твёрдо принято зависящее от него выводное рассуждение. Но правильное умозаключение, по крайней мере до сих пор, не определено. Следовательно, не может стать понятным и выводное рассуждение» [11, с. 232].

Этот уход мышления в бесконечность в попытке найти первооснову чего-то надёжно истинного хорошо понимал И. Кант и, понимая, наложил вполне определённые ограничения на чистый разум. Чтобы не затеряться в бескрайнем океане неведения и не погрязнуть в бесконечном разнообразии мнений, разум сам устанавливает себе вехи-ориентиры в виде соотношения «чистых» понятий с эмпирической явью. Кант в этой связи отмечает: «Следовательно, категории посредством созерцания доставляют нам знание о вещах только через их возможное применение к эмпирическому созерцанию, т. е. служат только для возможности эмпирического знания, которое называется опытом. Следовательно, категории применяются для познания вещей, лишь поскольку эти вещи рассматриваются как предметы возможного опыта» [9, с. 138].

Но решение проблемы поиска ориентиров для познания, предложенное И. Кантом, не устроило Г. В. Ф. Гегеля, с точки зрения которого истина не может заключаться в соответствии мысли миру вещей, а всё как раз наоборот, истина представляет собой соответствие мира вещей мысли. Гегель уточняет: «В философском смысле, напротив, истина в своём абстрактном выражении вообще означает согласие некоторого содержания с самим собой» [6, с. 126]. Под эту базовую гносеологическую идею выстраивается и логика, и методология. «Как и вся философия Аристотеля, – по утверждению Гегеля, – так и его логика нуждается в существенной переплавке» [3, с. 295]. И Гегель «переплавляет». Встав на позиции «древних» скептиков, он без «метаний и сожалений» выбрасывает ненужный обременительный «хлам» законов формальной логики – закон тождества, за-

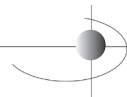
кон (не)противоречия и закон исключённого третьего. Конечное не может быть истинным, будь то хоть чувственный мир, или даже мир понятий, но понятий определённых. Одним из главных орудий новой диалектической методологии становится омонимия, некогда успешно используемая софистами для «шутки» и победы в спорах, а позже поставленная Аристотелем под пристальный контроль формальной логики. Гегелю симпатичны софисты и он возвращает им доброе имя, утверждая, что своим образованием «Греция была обязана софистам, так как они учили людей мыслить о том, что должно пользоваться у них признанием, и, таким образом, их образование было подготовкой как к философии, так и к красноречию» [3, с. 10]. Гегель приветствует и принимает также и позицию скептицизма, согласно которой «противоположные определения», склонности, привычки и т. д. обладают «одинаковой силой» [3, с. 390].

Но Гегель, в отличие от софистов, уже не «шутит», ведь он впервые в истории человеческой мысли создаёт учение, которое не может быть опровергнуто. Его учение позволяет не только посмеяться над глупым юнцом, оно уже способно всё объяснить и всё предсказать. Для него больше нет тайн ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем. На смену законам формальной логики, некогда созданной для борьбы с интеллектуальными «шутниками» и шулерами, приходят законы логики диалектической, в которой бытие то же самое, что и ничто, в которой количество переходит в качество, а потом обратно, в которой противоположности борются в своём единстве, и белое есть чёрное. Как и скептики, Гегель уверен, что об одних и тех же вещах можно говорить противоположным образом, «ибо мужики знают, что все земные вещи преходящи и их бытие, следовательно, столь же хорошо, сколь и их небытие» [3, с. 382].

Для создания такой всемогущей логики Гегель обращается за помощью к «народной» мудрости; именно в этом кладезе мысли черпает он свои идеи и не скрывает: «Задача философии состоит лишь в том, чтобы ясно осознать то, что люди издавна признавали правильным относительно мышления» [6, с. 119]. И уже нет смысла бороться с алогизмами и паралогизмами. Наоборот, всё это «народное» мышление должно стать методологическим арсеналом новой философии. И Гегель говорит: «Философия, таким образом, не устанавливает ничего нового; то, что мы получили здесь с помощью нашей рефлексии, есть непосредственное убеждение

каждого человека» [6, с. 119]. А возможности «народного» мышления, запечатлённые в языке, безграничны. Гегель рад, что сам язык предоставляет такую методологическую возможность, и считает, что это не просто случайность. Если омонимия есть в языке, прижилась в нём, то это отражает суть не только национально-народного мышления, или человеческого мышления, но и вообще мышления. «Эта двойственность в словоупотреблении, – говорит Гегель, – когда одно и то же слово имеет отрицательный и положительный смысл, не должна рассматриваться как случайная, и тем менее должны упрекать язык в путанице, а должны усмотреть здесь спекулятивный дух нашего языка, переступающего пределы голого рассудочного “или-или”» [6, с. 238]. Как и софисты, Гегель уверен – можно всё доказать. Надо лишь быстро «схватить», объединить все точки зрения, а затем, по своей выгоде «непосредственно вызывать в уме эти богатства категорий, чтобы рассматривать согласно им какой-нибудь предмет» [3, с. 12]. И в отличие от скептиков, которые пользовались «своей диалектикой случайным образом, наталкиваясь на тот или иной материал» [3, с. 382], Гегель омонимию слов осознанно ставит на службу своей методологии.

Возвращение в животворящую стихию «народной» мысли позволяет Гегелю найти подходящее слово для того, чтобы запечатлеть диалектическое единство противоположностей – *aufheben*. Гегель раскрывает философский потенциал этого слова: «*Aufheben* – значит, во-первых, устранить, отрицать, и мы говорим, например, что закон, учреждение и т. д. *seien aufgehoben* (отменены, упразднены). Но *aufheben* означает также сохранить, и мы говорим в этом смысле, что нечто сохранено (*aufgehoben sei*)» [6, с. 238]. Вот это и есть сердцевина гегелевской диалектики – омонимия, и не просто омонимия, которую следует иметь в виду при передаче мысли, а конгломерат смыслов, сосредоточенных в одном слове и выдаваемых за понятие. Более того, из этого «мешка» смыслов в нужный момент актуализируется лишь подходящее случаю значение слова. Удобно. Удобно для интеллектуальных аферистов. Русское слово «брак» (от «брат» за себя замуж) можно вполне к случаю выдать за немецкое слово «брак» (изъян, дефект изделий). Это был изумительный брак, сегодня такого уже не встретишь. Следуя логике Гегеля, не должно рассматриваться как случайное совпадение в русском языке в одном слове

«мат» немецкой мягкой подстилки, арабско-го поражения в шахматной игре и французского отсутствия блеска гладкой поверхности предмета. Это был мат, всем матам мат – без блеска, но как эффектно. Следует заметить, что такими «лингвистическими» средствами можно вести за собой целые народы, особенно после уничтожения или запугивания его интеллектуальной элиты. Игра слов увлекает. Языковое (словесное) мышление берёт верх. И Гегель это хорошо понимает, понимает и использует для создания новой логики.

Язык, с точки зрения Гегеля, во всей красе синонимии и омонимии – истинный источник всеобщего. Гегель об этом так и говорит: «Так как язык есть произведение мысли, то нельзя посредством него выразить ничего, что не являлось бы всеобщим» [6, с. 114]. В отличие от метафизического догматизма, построенного на строгом или-или, диалектика Гегеля вполне совмещает в себе противоположности, причём одновременно принимая и то, и другое, и не принимая ни того, ни другого. «Истинное, спекулятивное есть, – как утверждает Гегель, – напротив, как раз то, что не имеет в себе таких односторонних определений и не исчерпывается ими, а как тотальность совмещает в себе те определения, которые догматизм признаёт незыблемыми и истинными в их раздельности» [6, с. 139]. И если догматизм «рассудочной метафизики» вынужден терзать себя выбором между односторонними определениями, полагая их незыблемыми, то диалектика, вобрав в свои понятия всю мудрость народа, запечатлённую в языке, без труда решает любую проблему, точнее, и проблем противоречия в этой методологии нет.

Вот как Гегель поясняет разницу в образовании понятий между метафизическим догматизмом и диалектическим идеализмом на примере: «Так, например, идеализм утверждает: душа не есть только конечное или только бесконечное, но она по существу есть как то, так и другое и, следовательно, не есть ни то, ни другое, т. е. такие определения в их изолированности не имеют силы, но получают её лишь как снятые» [6, с. 139]. В этой связи следует отказаться от односторонних определений, представляющих собой атавизмы «старой» логики. Определения новой логики должны быть свободны от проблем противоречия, а для этого их следует конструировать путём суммирования односторонних определений, и использование омонимов для этих целей представляет особый методологический интерес.

Вскрывая механизм образования диалектических понятий, Гегель поясняет: «Но понятие как нечто конкретное (и даже как всякая определённая вообще) существенно представляет в самом себе единство различных определений» [6, с. 140]. В результате такого конструирования понятий они все превращаются в космологические, т. е. в такие, о которых И. Кант сказал, что они «не допускают, чтобы им был дан соответствующий предмет в каком-нибудь возможном опыте; более того, они даже не допускают, чтобы разум мыслил их согласно с общими законами опыта...» [9, с. 364]. И если у Канта количество космологических идей ограничено («их может быть только четыре, ни более, ни менее, потому что существует именно четыре ряда синтетических предпосылок, *a priori* ограничивающих эмпирический синтез» [9, с. 365]), то у Гегеля любое понятие суть космологическое. Критикуя Канта по поводу количественного ограничения антиномий, Гегель вполне отчётливо высказывает свою точку зрения: «Кант обнаруживает (*„Kritik der reinen Vernunft“*, S. 320) здесь четыре противоречия, что, однако, слишком мало, ибо в каждом понятии имеются антиномии, так как оно не просто, а конкретно, содержит в себе, следовательно, различные определения, которые вместе с тем противоположны» [5, с. 492].

Космологические понятия, как известно, приводят Канта к антиномиям, из невозможности решения которых следуют ограничения наших суждений о мире. В свою очередь, космологические понятия Гегеля отменяют все границы в суждениях не только о мире в целом, но и о любом конкретном явлении. При этом Кант выглядит вполне пессимистом, т. к. предлагает считать и тезис, и антитезис ложными, а явления вне наших представлений как «суть ничто» [9, с. 394]. А Гегель, превративший все понятия в космологические, настроен оптимистично, т. к. для него нет неразрешимых задач, ведь любое понятие представляет собой сумму всех возможных его «народных» определений, а, значит, по любому случаю есть возможность актуализировать из него нужный смысл. Но из круга не выйти, ведь дух, по утверждению Гегеля, «есть сознание, он свободен, потому что в нём начало и конец совпадают» [3, с. 87]. Перебирая заложенные им же самим смыслы различных до противоположности определений в содержание понятий, дух развивается. Он движется в круге смыслов, свободно, лишь по своему желанию, перебирая свои «подлинные убеждения». И это движение не

по прямой и даже не по спирали. Это движение по кругу. Гегель сам об этом говорит: «Это движение есть, в качестве конкретного движения, ряд процессов развития, которые мы должны представлять себе не как прямую линию, тянущуюся в абстрактное бесконечное, а как возвращающийся в себя круг, который имеет своей периферией значительное количество кругов, совокупность которых составляет большой, возвращающийся в себя ряд процессов развития» [3, с. 90].

Если же кому-либо придёт желание утверждать, что сменяющие друг друга смыслы не тождественны, то у Гегеля и для этого случая есть беспроектный рецепт: «Нечто, находясь в отношении с другим, само уже есть некое другое по отношению к этому последнему. Так как то, во что нечто переходит, есть то же самое, что и само переходящее (оба имеют одно и то же определение, а именно быть другим), то в своём переходе в другое нечто лишь сливается с самим собою, и это отношение с самим собою в переходе и в другом есть истинная бесконечность» [6, с. 234]. Это рассуждение Гегеля и есть момент истины в понимании единства противоположных смыслов в немецком слове *“aufheben”*: нечто, переходя в другое, не только становится другим, но и одновременно с этим превращает себя в прошлом в другое в ставшем настоящим! Снятие одновременно и отменяет прошлое, и сохраняет его. Именно так «работает» закон отрицания отрицания. И Гегель, продолжая свою мысль о тождестве другого в настоящем с другим в прошлом, отмечает: «Или, с отрицательной стороны, изменяется именно другое, оно становится другим другого. Таким образом, бытие снова восстановлено, но как отрицание отрицания и есть для-себя-бытие» [6, с. 234]. Это и есть

диалектика снятия. Основы такой диалектики были заложены, как хорошо известно из истории философии, ещё софистами.

Заключение. Гегель владеет истиной, и потому, как и дух, свободен в своём творчестве. Противоречия, из которых соткан дух, не страшны духу и не страшны Гегелю. Гегель замечает в этой связи: «Всякое сознание, напротив, содержит в себе некоторое единство и некоторую разделённость и тем самым противоречие» [7, с. 26]. Всё в этом мире состоит из противоречий. Более того, именно сам дух привнёс в этот мир противоречия и он знает об этом, а потому и не беспокоится. Гегель так и говорит об этом: «Противоречие, однако, потому переносится духом, что этот последний не имеет в себе ни одного определения, про которое он не знал бы, что оно положено им самим и, следовательно, им же самим вновь может быть снято» [7, с. 26]. При этом «снято» определение может быть по желанию «духа» либо в смысле отменено, либо в смысле сохранено, ведь и в этом случае «власть духа над всем имеющимся в нём содержанием составляет основу свободы духа» [7, с. 26]. Снято и всё, без комментариев. Но обязательно снято, т. е. или отменено, или сохранено. А, как известно, предсказание, основанное на дизъюнкции утверждения и его отрицания, всегда сбудется! В этой связи закон отрицания отрицания является «беспроектным».

Дух в своём движении не может выйти за пределы себя, т. к. он един и тотален, а потому он может в движении лишь менять имеющиеся в наличии свои же формы и своё содержание, которые в духе тождественны друг другу, как едины и тождественны в «снятии» сохранение и отмена. Так, путём снятия, и происходит отрицание отрицания. Не может не происходить!

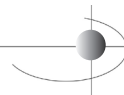
Список литературы

1. Аристотель. Категории. М., 1939. 84 с.
2. Аристотель. Метафизика. М.; Л., 1934. 348 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн. вторая. СПб., 2006. 424 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн. первая. СПб., 2006. 350 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн. третья. СПб., 2006. 584 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 1. Наука логики. М., 1974. 454 с.
7. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 3. Философия духа. М., 1977. 472 с.
8. Даниленко Л. Е., Рекунов Ф. Н. О месте закона отрицания отрицания в системе законов диалектики // Диалектика отрицания отрицания. М., 1983. С. 28–38.
9. Кант И. Критика чистого разума. М., 2011. 736 с.
10. Свидерский В. И. О современном понимании закона отрицания отрицания // Диалектика отрицания отрицания. М., 1983. С. 59–71.
11. Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. М., Т. 1. 1975. 399 с.

Статья поступила в редакцию 10.09.2016; принята к публикации 10.11.2017

Библиографическое описание статьи

Жилин В. И. Диалектический закон отрицания отрицания: «снятие» по Гегелю // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 1. С. 100–105. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-1-100-105.

Vladimir I. Zhilin,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Plekhanov Russian University of Economics, Omsk Institute (Branch)
(18, 10 let Oktyabrya St., Omsk, 644009, Russia),
e-mail: ZhilinVI@yandex.ru

The Dialectical Law of Negation of the Negation: “Sublation” According to Hegel

“Sublation” is one of the basic concepts both in Hegel’s dialectics and in Marxist philosophy. Using this dialectical concept, it is possible within the accepted cliché of thought to explain a qualitative change in the system with simultaneous preservation of its former structure and/or form. Thanks to “sublation” in a newly formed system it is possible not only to preserve all the best from the “old” system but also to ensure progress. For creating such an effective methodology Hegel uses homonyms which “make” concepts contradictory. And further it is possible to say that any change has happened by sublation. Using dialectics as methodology, Hegel creates the doctrine which cannot be confuted. This doctrine is capable to explain everything and to predict everything. In this regard the law of negation of the negation is “safe.” The spirit in its movement cannot go beyond itself since it is single and total, and, therefore, in the movement it can change only its own available forms and its contents which are as identical with each other in the spirit as preservation and cancellation are united and identical in “sublation.” Thus, negation of the negation is performed by sublation.

Keywords: sublation, Hegel, law of negation of the negation, dialectics

References

1. Aristotel'. Kategorii. M., 1939. 84 s.
2. Aristotel'. Metafizika. M.; L., 1934. 348 s.
3. Gegel' G. V. F. Lektsii po istorii filosofii. Kn. vtoraya. SPb., 2006. 424 s.
4. Gegel' G. V. F. Lektsii po istorii filosofii. Kn. pervaya. SPb., 2006. 350 s.
5. Gegel' G. V. F. Lektsii po istorii filosofii. Kn. tret'ya. SPb., 2006. 584 s.
6. Gegel' G. V. F. Entsiklopediya filosofskikh nauk: v 3 t. T. 1. Nauka logiki. M., 1974. 454 s.
7. Gegel' G. V. F. Entsiklopediya filosofskikh nauk: v 3 t. T. 3. Filosofiya dukha. M., 1977. 472 s.
8. Danilenko L. E., Rekunov F. N. O meste zakona otritsaniya otritsaniya v sisteme zakonov dialektiki // Dialektika otritsaniya otritsaniya. M., 1983. S. 28–38.
9. Kant I. Kritika chistogo razuma. M., 2011. 736 s.
10. Sviderskii V. I. O sovremennom ponimanii zakona otritsaniya otritsaniya // Dialektika otritsaniya otritsaniya. M., 1983. S. 59–71.
11. Sekst Empirik. Sochineniya v dvukh tomakh. M., T. 1. 1975. 399 s.

Received: September 10, 2016; accepted for publication November 10, 2017

Reference to the article

Zhilin V. I. The Dialectical Law of Negation of the Negation: “Sublation” According to Hegel // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 1. PP. 100–105. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-1-100-105.